

ЮЛИЯ
КЛИМОВА

**Путешествие
в страну мужчин**

Юлия Владимировна Климова
Путешествие в страну мужчин
Серия «История семьи
Шурыгиных», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609785
Путешествие в страну мужчин: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-44977-4

Аннотация

Катя Шурыгина младшая в семье, и она знает, что отец не одобрит ее отношений ни с одним мужчиной на свете. Его «крошка» всегда должна быть рядом, а остальное – как-нибудь потом. Но душа просит любви, и Катя совершает отчаянный побег. Ее путь лежит на Валдай, туда, где волнуются от ветра сосны, где верность и искренность имеют особую цену. Однако отец Кати не может смириться с произошедшим, и очень скоро на Валдай прибудет еще один человек...

Содержание

* * *	4
Глава 1	19
Глава 2	41
Глава 3	56
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Юлия Климова

Путешествие в страну мужчин

Этот вечно недовольный, скрипучий, едкий, как столетняя ржавчина, голос всегда вызывал у Степана приступ колючего страха и клаустрофобию. Степан вжимал лопухую голову в плечи, морщился, опасливо поглядывал то на окно, то на дверь, а иногда даже жалобно шмыгал носом, точно проверял: пахнет обыкновенными проблемами или надвигается свирепая буря? В данный момент явно надвигалась буря, и оставалось всего несколько минут на бесполезную панику и вопрос: «А сегодня-то за что?» Вроде за предыдущие пролеты он уже схлопотал сначала по самые уши, а уж затем и по рыжую макушку и наивно полагал, что недельку будет тихо-спокойно...

Кому рассказать, он, тридцативосьмилетний мужчина, чуть ли не до смерти боится свою тетку! От одного ее взгляда подскакивает давление, отнимаются ноги, сохнет во рту и бледнеет и без того светлая кожа. Кому рассказать?

– А сегодня-то за что? – по привычке жалобно выдохнул

Степан и нервно заерзал на потертом диване.

Ответа долго ждать не пришлось – дверь распахнулась с особым грохотом, причины которого пока были не ясны, и в комнате запахло порохом.

«Может, она того... головой ее открыла... голова-то у нее железобетонная...» – вспыхнула и пропала мысль. Степан бы и сам с радостью превратился в пыль, но, увы, это было не в его силах.

На пороге стояла Раиса Антоновна. Бывший муж награбил ее фамилией Горячева, а мама с папой – длинным острым носом, маленькими серыми глазками, тонкими губами, жесткими волосами пепельного цвета, узкими плечами, широкими бедрами и ростом чуть ли не метр девяносто. Выражение лица Раисы Антоновны всегда напоминало сводку Гидрометцентра в дни затяжных осенних дождей, первых заморозков и слякоти, а ее резкий хрипловатый голос наводил ужас не только на соседей по лестничной площадке, но и на глуховатую консьержку, молоденького участкового и даже на тараканов. Именно поэтому в доме, где проживала гражданка Горячева, тараканов не водилось.

– Степан!

– Я! – подпрыгнул он.

– Уж не сомневайся, я знаю, что это ты. – Раиса Антоновна вытянула правую руку и ткнула пальцем в своего великовозрастного племянника. – Мое терпение лопнуло!

– Я помыл посуду, – проблеял Степан, надеясь на снис-

хождение. – Вынес мусор и... проветрил кухню.

– Круг, – с победной ухмылкой произнесла Раиса Антоновна.

– Какой круг? – Степан от удивления позабыл об элементарных правилах безопасности и, вместо того чтобы вжаться в диван, подался вперед.

– Коричневый! Коричневый круг от чашки... – Глаза Раисы Антоновны хищно сверкнули. – Сколько раз я говорила, что чай нужно размешивать медленно, не торопясь, тогда никаких коричневых кругов на столе не останется. Ты же плюешь на мои слова и размешиваешь чай слишком быстро. Нетерпеливо размешиваешь! – Голос Раисы Антоновны взметнулся к потолку, и стекляшки люстры, купленной еще в далекие советские времена, дрогнули. – А твои носки? Они лежат в корзине для белого белья, а должны лежать в корзине для цветного белья! Но это еще не все...

Степан втянул в легкие побольше воздуха и на миг замер. Пока ситуация не превратилась в критическую: следы чая на столе, носки не там, где нужно... Ничего нового, ничего серьезного. Он и сам не понимал, почему его оплошности имеют столь затяжной и хронический характер. Вроде мешает медленно, вроде кладет, куда нужно, вроде не шаркает, не роняет, не просыпает мимо, но каждый раз одно и то же! Хоть ты тресни!

– Я терпеливо размешивал, – выдохнул Степан и уныло посмотрел на тетку.

За восемь лет совместного проживания он так и не научился говорить ей «ты», твердо возражать или толково отстаивать свою точку зрения. А главное, ну чего она от него хочет? Чего пристаёт? Ему же немного нужно: поесть, попить, почитать медицинскую энциклопедию, опять поесть и попить, принять витамины и еще что-нибудь по мелочи. И как его угораздило оказаться бок о бок с этой вреднейшей, ужаснейшей Раисой Антоновной?! Хотя давным-давно он сам по доброй воле переступил порог ее квартиры.

«Может, обойдется...» – подумал Степан, мечтая о вальериановых каплях и маленькой рюмочке коньяка, однако страшная фраза «Но это еще не все...» и свинцовый взгляд теткиных глаз говорили совсем о другом. «Не надо было к ней переезжать, не надо», – дежурно попричитал он и шумно вздохнул.

Восемь лет назад Степан проживал в Мытищах – в однокомнатной квартире на пятом этаже. Работал где придется, изредка встречался с одинокими девушками из категории «за тридцать», лечил несуществующую язву и несуществующий хронический ларингит, питался кашами и макаронами, совершал вечерние прогулки и полагал, что его спокойствию ничего не угрожает и жизнь всегда будет протекать однообразно и тихо.

Правда, водились за ним и темные делишки, но о них Степан предпочитал не вспоминать – по молодости да по глупости с кем не бывает?

Родителей нет, друзей тоже, зато пара-тройка приятелей имеется – и тетка в Москве...

Тетка.

Ох уж эта тетка...

Созванивались они редко – на праздники, дни рождения и в случае мировых катаклизмов. Инициатором контактов в основном была Раиса Антоновна. Но вот случилось так, что звонки стали чаще, продолжительность разговоров увеличилась с пяти минут до получаса, и через некоторое время Степан уже не мог заснуть без ровного уверенного голоса единственной родственницы, которая вдруг на пятидесятом году жизни заскучала и почувствовала стойкую тягу к материнству. «Что ты сидишь в своих Мытищах? Переезжай ко мне, устроишься здесь, в Москве, на хорошую должность, рядом со мной будешь, все ж мы не чужие. А квартиру сдай, чего добру пропадать. Детей у меня нет, так о тебе заботиться буду, ты небось и носки толком постирать не в состоянии». Напор Раисы Антоновны сделал свое дело, и Степан, мечтая о домашнем уюте, наваристом борще (а вдруг нет у него никакой язвы?), сдал квартиру и переехал к тетке. Кто ж знал, кто ж знал!

И поначалу вроде все шло гладко: Раиса Антоновна стирала, убирала, готовила и не слишком докучала, но потом ее материнский настрой пошел на убыль, и она превратилась в классическую мачеху из сказок, с той лишь разницей, что домашние обязанности так и остались лежать на ее узких пле-

чах. И это был особый, всегда беспронимательный повод записать племянника до полусмерти. Удовольствие, не сравнимое ни с чем.

Кошмар с каждым днем становился все мучительнее. Но Степан уже не мог отказаться от комнатки с видом на унылый двор, от потертого дивана, плюшевого и мягкого, от ковра с ромбами по углам и оленями в центре, от люстры из прозрачных стекляшек, от подоконника, заставленного вонючей геранью, и от многого, многого другого... Он привык и к Москве, и к борщам, и к вареникам, и к чистым носкам, и к тому, что можно не работать, и даже к кобре-тетке привык! Поругает, попилит острыми зубищами, да и оставит в покое на пару дней, и ничего страшного вроде не произошло – обошлось, и ладно.

– Но это еще не все... – повторила Раиса Антоновна и скривила губы. – Что ты можешь сказать о моем любимом махровом полотенце? О полотенце желтого цвета с белыми полосками по краю?

Только сейчас Степан обратил внимание на то, что тетка прячет левую руку за спиной, и, скорее всего, в данный момент ее цепкие узловатые пальцы сжимают это треклятое полотенце!

– Я его не брал... и не видел...

– Неужели?

– Точно.

– А я вот думаю иначе!

Раиса Антоновна вытащила из-за спины полотенце, быстро расправила его и продемонстрировала поникшему племяннику четкие бордово-фиолетовые пятна, украшающие середину и края мягкой ткани.

– М-м... – жалко протянул Степан.

– Что это? Что это, я спрашиваю?!

Молчание вряд ли бы спасло. Ничего не оставалось, кроме как покаяться.

– Вино. Красное, полусладкое.

– Я так и знала! – Раиса Антоновна от негодования и ликования топнула ногой. – Опять с Нинкой развратничал!

Покраснев, Степан резко замотал головой:

– Нет, она просто зашла... мы расстались...

Это была полуправда, а о горькой правде он предпочитал не думать, оберегая сердце от инфаркта, желудок – от все той же язвы, а нервную систему – от вялотекущей депрессии.

Да, крепкая, яркая, пахнувшая жасмином Нина-Нинель его бросила (а кому нужен ленивый неработающий мужчина, живущий на небольшой доход от квартиры в Мытищах?), но перед сокрушительным «Я слишком хороша для тебя, прощай!» она подарила ему последний эротический эпизод, столь великолепный, что теперь, мысленно перебирая утраченные удовольствия, Степан готов был плакать. Горько, горько плакать... «Надеюсь, ты меня не скоро забудешь», – хохотнула Нина напоследок и ушла, хлопнув дверью. Ушла, а разлитое вино, обида и пустая надежда впитались в люби-

мое банное полотенце Раисы Антоновны, на котором Нинель возлежала столь трепетно, столь живописно...

И как тетка его нашла? Он же хорошо его спрятал: зачихнул под ванну, хотел позже отнести в химчистку...

– Значит, твоя потаскунья шарила в моем шкафу, трогала мои вещи и... и... Я даже не могу представить, что она делала с моим любимым полотенцем! – В голосе Раисы Антоновны зазвучали не только гневные, но и трагические ноты. – И это после того, как я застучала ее голой на столе собственной кухни!

– Вы тогда все неправильно поняли, – заплетающимся языком выдал Степан, – у нас была важная дата, год знакомства... и Нинель, то есть Нина... хотела сделать мне сюрприз. Ну... хм... ей казалось, что так... хм... получится... торжественно.

– Торжественно? – брови Раисы Антоновны от искреннего удивления подскочили на лоб.

– Я не то слово подобрал... не то...

История с «аморалкой на кухне», а именно так тетка именovala события месячной давности, Степан с удовольствием вычеркнул бы из памяти и из жизни. Он до сих пор не мог забыть визг Раисы Антоновны и пронзительные звуки бьющейся посуды. Его встречи с Ниной не были такими уж частыми, и домой он ее приглашал лишь в исключительных случаях. А разве год знакомства – не исключительный случай? Тетка на работе – ничто не предвещало беды! Степан

побежал в магазин за коробкой конфет, потому что заранее не подготовился, забыл о важной дате, а Нинель, томимая страстью, разделась и устроилась на столе: вот, мол, я какая – лучший десерт, какой только может быть!

Но тетка пришла с работы значительно раньше. Видимо, чутье сработало! И, конечно, на кухонном столе она обнаружила не салат из помидоров и огурцов, не банку шпрот и не тарелку с супом – она обнаружила совершенно голую и абсолютно бесстыжую Нинку, которая при виде родственницы любимого мужчины не потупила застенчиво взор, не залилась краской стыда, не прикрылась краем шторы, а искренне и громко захохотала, обмахиваясь от избытка чувств мятой бумажной салфеткой.

Степан влетел в квартиру пять минут спустя, но Раиса Антоновна была так занята битьем посуды и выдворением «порочной шалавы» из кухни, что племянника не заметила. А он метался из угла в угол, ойкал, охал, собирал с пола одежду подруги и невнятно и тщетно пытался успокоить разбушевавшуюся тетку.

Нина-Нинель позвонила на следующее утро и сказала, что подобного удовольствия она уже давно не испытывала и им нужно обязательно повторить такой фейерверк эмоций, но уже без Раисы Антоновны.

– Не то слово подобрал? Да ты предавался утехам на моем столе! Утехам с этой шалавой! А теперь? – Тетка взмахнула злосчастным полотенцем. – А теперь оказывается, она имела

наглость прийти еще раз!

– Ну, каким утехам... – Степан сморщился. – Это же так... общение...

– Убирайся из моего дома! – вскричала Раиса Антоновна, швырнула на пол полотенце, демонстративно потопталась по нему и вылетела из комнаты.

Дальнейшее Степан воспринимал в полубессознательном состоянии: уши заложило, картинка поплыла, а сердце, казалось, остановилось.

Тетка вернулась через несколько секунд с большим коричневым чемоданом, некогда прибывшим вместе с хозяином из Мытищ, и быстро и ладно стала паковать вещи, изредка бросая недовольные фразы и гневно потрясая то кулаком, то указательным пальцем. Все ее движения были настолько четкими и точными, трусы, носки и майки она так идеально складывала ровными стопками, оставляя достаточно места для брюк и рубашек, что в голове Степана задрезжала мысль: сколько же раз в мечтах она уже прогоняла его из квартиры?

– Убирайся! – в который раз выкрикнула Раиса Антоновна и напоследок больно ужалила: – К шалаве своей убирайся! Раз она тебя любит, то и приютить не откажется!

Вытолкав племянника на лестницу, она многозначительно громыхнула чемоданом и хлопнула дверью.

– Я-я... – попытался вставить хоть что-то Степан, но тут же замолчал и крепче прижал к груди любимую медицин-

скую энциклопедию. Оправдания уже никого не интересовали, привычная жизнь рухнула, и реальность происходящего холодом пробрала до самых костей.

– Одни мы с тобой остались, – шмыгнул он носом, теребя замусоленный угол книги. – И куда идти?

Степан немного потоптался около мусоропровода, надеясь, что тетка остынет и позовет обратно, затем застегнул молнию ветровки, вяло пнул ногой чемодан, тяжело вздохнул и нажал кнопку лифта. Где найти временное жилье, куда податься?

– Поеду к Павлу, – решил он и, бросив последний взгляд на дверь теткиной квартиры, с чувством произнес: – Грымза проклятая! Самая настоящая грымза!

До Ярославской улицы он добрался за полчаса – расстроенный, подавленный и раздраженный. Он уже отвык от таких марш-бросков, от толчеи в общественном транспорте и поэтому безмерно жалел себя и настойчиво винил во всем Нинку. Ей лишь бы поиграть, а ему? Ей лишь бы ногами подрыгать, а ему? Семью захотела! А где взять здоровья на эту семью?! Какая работа, когда в трамвае его укачивает, а в метро начинаются приступ кашля и расстройство желудка одновременно?! Степан поджимал губы, шмыгал носом и тащил тяжелый чемодан от автобусной остановки к бело-желтой башне (с передышками через каждые десять метров). Одна дура, вторая дура, а ему-то как жить?..

Дверь Павел открыл сразу, будто только и ждал момента,

когда к нему кто-нибудь заглянет. С последней встречи он ничуть не изменился. Это порадовало и несколько успокоило: все по-прежнему смазлив, волосы все так же обесцвечены «под блондина», все те же прыщи на носу.

Сунув руки в карманы спортивных штанов, Павел оглядел гостя с головы до ног и, не задавая вопросов, пропустил в квартиру.

– А я от тетки ушел, – отчитался Степан, с облегчением пристраивая чемодан около кресла. – Вернее, она меня выгнала... Мегера – она и есть мегера. Я, конечно, понимаю, что тебе постояльцы не нужны. – Он жалобно приподнял рыжие брови. – Но мне бы дней пять перекантоваться, а дальше... В Мытищи, наверное, вернусь, вот квартиру освободят, и вернусь.

– Ага, я от тетки ушел, я от дядьки ушел, я от зайца ушел, я от волка ушел, – усмехнулся Павел и, подхватив со стола пачку сигарет, добавил: – А от меня не уйдешь.

– Чего? – не понял Степан.

– Очень ты вовремя, мне напарник нужен.

– Какой еще напарник?

– Бездомный, безработный и с простой неприметной внешностью. Правда, ты рыжий... – Павел закурил и почесал небритую щеку.

– Я не ярко-рыжий, – на всякий случай заступился за себя Степан и аккуратно присел на подлокотник кресла. – И я кушать хочу.

– Есть дело.

– Какое? У меня хронический ларингит... и подозрение на язву.

Павел ответил не сразу – с минуту смотрел на приятеля, хмурился и барабанил пальцами по столу.

– Мне нужен напарник. Как в старые добрые времена. Помнишь или уже позабыл?

Таких намеков Степан очень боялся: последнее время ему казалось, что «лихая молодость» – это сон или выдумка, ну, в крайнем случае, затертое до дыр прошлое – далекое-далекое, а значит, ненастоящее. Но Павел, видимо, относился к былым «подвигам» иначе.

– О чем это ты?

– О том самом. Ладно, ладно, не дергайся, дельце ерундовское, и всего-то один разок помочь нужно... Я, знаешь ли, решил быстро разбогатеть – с риском, но по-умному.

– Но... как именно? – осторожно поинтересовался Степан, уже терзаемый дурными предчувствиями.

– Легко и просто, – Павел дернул плечом и добавил: – На свете так много толстосумов, у которых есть избалованные дочери...

– Что? Не понял...

– Я тебе сейчас все объясню.

Последующие пятнадцать минут Степан просидел с открытым ртом и округлившимися глазами, его уши оттопырились еще больше и покраснели, а живот урчал не то от го-

лода, не то от нервов. Оказывается, Павел замыслил не что иное, как похищение дочки какого-нибудь богатея. Ничего себе ерундовское дельце!

– Все будет нормально, не бойсь, я же не дурак какой-нибудь. Главное, не завышать выкуп и отдать девчонку в целости и сохранности. А нам-то она все равно на фиг не нужна.

– Но тюрьма... – напомнил Степан, облизывая пересохшие губы.

– Риск не больше, чем раньше, и твое дело обычное – на шухере постоять. Не заладится, так топай спокойно домой. Я же тебе сказал, нужно сделать все по-умному и не зарываться. Вот, например, шоу-бизнес лучше не трогать, растреляют во всех газетах – не отмажешься, а владельца какого-нибудь ювелирного магазина, банка или страховой компании пощипать – самое милое дело.

– Так, может, ты уже и выбрал кого?.. – тихо поинтересовался Степан, надеясь, что происходящее – лишь дурной сон.

– Может, и выбрал, – загадочно улыбнулся Павел, отправляя недокуренную сигарету в пепельницу.

Он подошел к шкафу, взял с книжной полки фотографию и протянул ее Степану. Тот с волнением, страхом и любопытством уставился на не слишком четкий портрет. Девушка, волосы цвета лесного ореха, глаза темные, большой капризный рот и вроде не костлявая...

– А кто это? – поднимая голову, шмыгая носом, спросил

Степан.

– Екатерина Шурыгина. Двадцать один год. Учится в институте, – быстро ответил Павел и с ухмылкой добавил: – И она – дочь Короля Алкоголя.

Глава 1

В пятьдесят один год он уже не мечтал о любви. Какая любовь, когда волосы поседели, работа заняла все свободное время, а дочери выросли и шагнули в самостоятельную взрослую жизнь?

Три дочери – это много. Очень много. Не каждый выдержит.

Полина, Ольга, Катюшка.

И воспитывать их пришлось самостоятельно, без бабушек и дедушек и, к горькому сожалению, без жены...

Главное, они абсолютно разные! И сюрпризы преподносят такие, что голова кругом и год за два считать можно! Петр Петрович нахмурился, бросил взгляд на часы и припарковал машину около подъезда своего дома.

Полина... Вот кто особенно потрепал ему нервы! Вот благодаря кому журналисты последнее время с удовольствием склоняли фамилию Шурыгина в своих газетенках, подкрепляя сочные истории не менее сочными фотографиями. То его старшей дочери захотелось поучаствовать в непотребном конкурсе... хм... «Лучшая попка сезона» – и, конечно же, она победила, то на банкете оказалось слишком много алкоголя, и желание раздеться и устроить стриптиз одержало победу над разумом, то еще что-то в этом роде! Полина с детства творила что хотела, и никто не мог ее остановить. И

в юности она была самой задиристой, самой своевольной и самой непредсказуемой особой, обладающей насмешливым взглядом и ослепительной улыбкой. Училась, правда, хорошо, но поведение и поступки сводили с ума и заставляли хвататься то за сигарету, то за сердце! Уж слишком легко Полина относилась к важным вещам, и эта черта характера лишь закрепилась с годами. Красива, дерзка, умна. А скольких мужчин она лишила покоя, скольких кавалеров без особых размышлений отодвинула в сторону – всем спасибо, все свободны! А ему так хотелось внука, шепутного любознательного паренька, с которым можно поиграть в морской бой или футбол...

И собственным салоном «Анни» Полина совершенно не интересовалась – по ночам пропадала в клубах, а днем безмятежно спала. И сил бороться с этой избалованной девчонкой уже не оставалось... Но в феврале Полина скоропалительно вышла замуж за Андрея Стрельцова, и, кажется, брак весьма благотворно повлиял на ее характер, хотя муж оказался ей под стать!

– От этой парочки можно ожидать чего угодно, – буркнул Шурыгин, поднимаясь по лестнице к лифту. Еще немного – и он дома. Крепкий чай, ровный шум телевизора и, пожалуй, простенький бутерброд с колбасой или сыром будут очень кстати, день выдался тяжелый, хотелось отдохнуть, расслабиться. – Девочки, мои девочки, – нараспев произнес Петр Петрович и устало расстегнул пуговицы пиджака.

Ольга... Его помощница, опора, правая рука. Профессинал! Как хорошо, что она решила работать с ним бок о бок в «Форт-Экст» – холдинге, президентом и владельцем которого он является долгие годы. И все у нее правильно и по полочкам, четко, продуманно, никакой суеты, лени или праздности. Два высших образования, знание английского, немецкого и французского языков, школа сомелье, должность директора департамента закупок... Он мечтал, что со временем одна из дочерей возьмет на себя ответственность за «Форт-Экст», и Оля, безусловно, справится.

Но личная жизнь средней дочери всегда была поводом для волнений и грусти. Трехлетний брак с пустозвоном Константином Белкиным закончился разводом, и начался длительный период затворничества. Оля не посещала светские вечеринки, не общалась с подругами, отдавала предпочтение строгим деловым костюмам и слишком уж увлеклась работой. Встречи, совещания, командировки, опять встречи, совещания, командировки... Душа за нее болела, а бывшего муженька хотелось найти и пристрелить! Найти и пристрелить! Но Судьба знает, в какой момент вильнуть в сторону, и Оля встретила мужчину, который перевернул ее устоявшийся и слишком правильный мир вверх тормашками. Никита Замятин, сын давнего друга и наследник ресторанной империи «Пино Гроз», вернулся из Лондона в Москву и растопил лед в сердце Оли. Вчера она собрала вещи и ушла к нему – влюбленная, сияющая, счастливая.

– Все будет хорошо, все получится, – тихо произнес Шурыгин, вынимая ключи из кармана.

Может, средняя дочь подарит ему долгожданного внука? Внук – это мечта! Еще какая мечта! Может быть, может быть, почему бы и нет?..

Катюшка... Его любимица, его малышка. И неважно, что ей двадцать один год – она по-прежнему для него кареглазая крошка, внешне очень похожая на покойную мать, она по-прежнему нуждается в заботе, внимании и контроле. И вот уж кому точно пока не следует думать о мужчинах, так это ей. Никаких мужчин! Она еще мала, слишком ранима, мечтательна и наивна. Сначала – институт, затем – работа в «Форт-Экст», несколько лет на приобретение опыта, а там видно будет. Хм, но разве можно доверить Катюшку кому-нибудь? Хотел бы он посмотреть на героя, который осмелится просить ее руки и сердца. Хм, уж лучше пусть этот фрукт не попадается на его пути. Никаких мужчин – и точка! Даже через десять лет ему будет тяжело расстаться со своей любимицей, со своей малышкой...

– Контроль, абсолютный контроль, – серьезно произнес Петр Петрович и открыл дверь.

Но в квартире было тихо и темно: не шумел телевизор, не журчала вода в ванной, не звучала телефонная болтовня, не горел свет в коридоре. Загуляла где-то Катюшка, загуляла...

Шурыгин нахмурился, посмотрел на часы – половина десятого, сменил ботинки на тапочки, вынул из кармана мо-

бильник, прошел в кухню, повесил пиджак на спинку стула, нажал кнопку чайника, еще раз посмотрел на часы, сел за стол и набрал номер младшей дочери. Но безликий женский голос сообщил, что она недоступна – позвоните позже, дорогой товарищ.

– И где ее черти носят! – сердито бросил Петр Петрович, но тут же замер, неотрывно глядя на телефон. Тишина и особое волнение, к которому за последние дни он стал привыкать, осторожно коснулись души, и мысли потекли совсем в другом направлении.

А может, сейчас позвонить Ей?.. Прямо сейчас взять и позвонить...

Шурыгин тяжело вздохнул и на миг закрыл глаза.

В пятьдесят один год Петр Петрович уже не мечтал о любви. Но никогда не знаешь, что тебя ждет за поворотом, чей взгляд встретится с твоим, и сердце вспыхнет... Он оказался не готов. Он не поверил! Он даже пытался улизнуть от этого невероятного чувства, он спасался бегством! Но брякнули серебряные браслеты, мякнула кошка, ухнул филин – и его судьба оказалась решена.

Он познакомился с Любой при невероятных обстоятельствах – в магическом салоне. Пыльные книги, мерцающие свечи, круглый стол, скатерть до пола, стеклянный шар на тяжелой мраморной подставке, запах сушеных трав... и жгучий взгляд темных глаз. Длинные кудрявые черные волосы, цветастая юбка... Цыганка. Тонкая, как тростинка, желан-

ная, как мечта, терпкая, как черемуха...

И как его, серьезного, солидного бизнесмена, занесло в такое место? О чем он думал?! О чем? Об Ольге и Никите. Да, именно о средней дочери и ее молодом человеке. В тот момент невозможно было понять, какие отношения их связывают, вместе они или нет?

Дочери, дочери... сумасшедший дом какой-то! Умеют девочки преподносить сюрпризы!

Шурыгин переступил порог магического салона с наивным и отчаянным желанием узнать правду, но так и не смог задать вопросы, потому что сердце уж слишком громко стучало, сбивая с мыслей, потому что стеклянный шар переливался то синим, то бордовым светом, потому что свечи дрожали, а голова кружилась... И он сбежал («Извините, я нарушил ваш покой... я здесь случайно... извините») и уже на следующий день горько пожалел об этом. Душа ныла и не находила покоя, повсюду мерещились черные кошки, работа не клеилась, мелкие неудачи подстерегали на каждом шагу. Он должен был вернуться и еще раз увидеть Ее – просто так... Но Любы в салоне не оказалось, и прошли еще долгие часы и дни, прежде чем он смог ее увидеть. Но и вторую встречу он тоже вряд ли когда-нибудь забудет, особенно потому, что на этот раз сбежала уже Люба.

– Спасибо, – тихо произнес Петр Петрович.

Кому спасибо? Судьбе, которая скрестила дороги именно в этой точке, старой Раде – бабушке Любы, хозяйке магиче-

ского салона, которая чуть-чуть вмешалась и чуть-чуть помогла, и самой Любе, подарившей ему робкую надежду на счастье. Она оказалась школьной учительницей, а не гадалкой или дипломированным магом... И еще спасибо одному человеку, имя которого Шурыгин из вредности не хотел называть.

Егор Кречетов. Но это отдельная история.

– Люба, Любовь... – Петр Петрович вновь дотронулся до телефона и улыбнулся. Он осмелился позвонить лишь один раз. Вчера. И пока список романтических подвигов на этом заканчивался.

– Здравствуйте, Люба...

– Здравствуйте, Петр Петрович...

Они сказали друг другу всего несколько слов, будто шли по тонкому льду и боялись ошибиться. Он спросил: почему она исчезла так неожиданно, она смущенно ответила: не знаю, так получилось, непривычная обстановка, много людей...

– Но мы еще встретимся? – с надеждой спрашивал он.

– Да, конечно, – отвечала она.

– Я все объясню... у меня три дочери – это так много... – путался он.

– Ну что вы, – мягко упрекала она, – это замечательно.

Вот из-за старшей дочери он чуть не потерял Любу. А кто еще мог во время танца рухнуть на пирамиду из бокалов? Только Андрей и Полина! Петр Петрович устало потер ладо-

нюю лоб. Та еще парочка... На презентациях, банкетах, фуршетах всегда приходится нервничать и оглядываться по сторонам – отчебучат они что-нибудь или обойдется? Честно говоря, редко когда обходится – не одно, так другое...

Не прекращая думать о вечной проблеме отцов и детей, Шурыгин вновь посмотрел на часы и нахмурился.

Где Катя?

Но все тот же безликий женский голос сообщил, что она, увы, по-прежнему недоступна.

– Контроль, нужен абсолютный контроль, – сердито буркнул Петр Петрович и нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

* * *

Оторвать взгляд от его крепких обнаженных рук было невозможно. И от обнаженных ног – тоже. Вот это мощь, вот это сила! А как он двигается, как злится, как улыбается... Катюшка мечтательно вздохнула и закусилла нижнюю губу. Полина вышла замуж и укатила к Андрею. Ольга за считанные минуты собрала вещи и отправилась к Никите. Пора бы и ей уже начать с кем-нибудь серьезные отношения. Прошлые мимолетные увлечения не в счет. Так, ничего особенного – любовью и не пахло. А хочется именно любви! Самой настоящей!

Как у Полины.

Как у Оли.

И все же какие у него руки, какие ноги – как у голливудского актера! И длинная светлая челка волшебным подпрыгивает в такт движениям, а острый нос роднит его со Штирлицем. Ага. Ему бы пошла военная форма...

Катюшка чуть съехала с пластикового кресла вперед и деловито скрестила руки на груди. Бамц-бамц-бамц! Мяч стучал по раскрашенному полу в такт мыслям, а теплый ветерок невинного возбуждения уже щекотал шею. Бросок – пара метров полета – и мяч аккуратно вошел в корзину.

– Серега лучший, правда?! – радостно выпалила Светка, торопливо вынимая из сумочки косметичку. – Не то что наши молокососы-однокурсники. А баскетбол – его страсть! Я сюда два раза в неделю прихожу – поболеть, да и вообще...

– А сколько ему лет?

– Точно не знаю, двадцать девять, кажется. Я слышала, как препод по истории хлопал его по плечу и говорил, что скоро тридцать и все такое, мол, молодец, многого добился. Он раньше в сборной института числился, а теперь просто приезжает пару раз в неделю и играет с друзьями и нашими малолетками. По нему, кстати, и Оксанка с Маринкой сохнут. – Света наклонила голову набок и приподняла брови. – Только он их не замечает. Перекинулся парой слов, и все. А они-то, дурехи, почти месяц в спортзале дежурили, чуть не разругались вдрызг.

Катюшка села ровно, вынула мобильник из кармана джин-

совой куртки и отправила его в сумочку – все равно разрядился и толку от него нет. Затем застегнула молнию и накрутила на палец рыжеватый локон.

– А как его фамилия?

– Романенко. А что, понравился?

Раздался свисток, редкие аплодисменты и едкие замечания победителей, а также короткие обещания отыгаться в следующий раз.

– Не-а, – из вредности ответила Катюшка, резко встала и направилась к выходу. – Я домой.

Но взгляд настойчиво устремлялся в сторону баскетболистов. Сергей – хорошее имя, в книжках так обычно называют положительных героев. Вот бы представить его Полине (наверняка ахнет и поздравит с удачным выбором) и Оле (не придет в восторг, укажет на разницу в возрасте и вообще запретит думать о «мальчишках» на ближайшую пятилетку). В любом случае это было бы здорово! Интересно, как он целуется? Ладно... Глупые мысли... «И все бы мне завидовали», – коротко улыбнулась Катюшка и поправила на плече сумку.

– Эй! – раздался мужской голос, и она обернулась.

Пигалица и первая факультетская сплетница Светка стояла рядом с Сергеем, и ее лицо светилось приторным самодовольством.

– Давай знакомиться, – предложил красавец баскетболист и в три шага преодолел приличное расстояние.

Катя автоматически выпрямила спину, убрала за ухо волосы и мило улыбнулась. В такие моменты она всегда вспоминала Полину и изо всех сил старалась походить на нее. А Полина какая? Смелая, решительная, красивая, уверенная в себе и сексуальная!

– Екатерина.

– Сергей.

– Отлично, – влезла Светка и округлила глаза, что означало: не будь душой, вдруг он втрескается в тебя по самые уши. – Ну, я пошла, общайтесь... – Не удержавшись, она хихикнула и прикрыла ладошкой рот.

– До завтра, – ответила Катюшка, мысленно радуясь знакомству.

Полина, наверное, похвалит.

Оля, наверное, не одобрит.

Папа... Папе лучше вообще ничего не рассказывать.

– А я тебя здесь первый раз вижу, – улыбнулся Сергей.

– А я раньше и не оставалась на игру.

– Подбросить к дому?

– Да, – легко ответила Катя и кокетливо взяла его под руку.

Полина похвалит.

Оля не одобрит.

Папа?... Папа не узнает.

Быть самой младшей в семье – сомнительное удовольствие. Конечно, тебя балуют, заботятся, усиленно любят, но

и многое запрещают. Маленькая – и все тут! Никто и не вспоминает, что ей уже давно двадцать один год, что она не глупенькая девочка, обожающая сладости и газировку, а самостоятельная девушка, которая больше пяти лет пользуется косметикой, носит короткие юбки, читает любовные романы, смотрит мелодрамы и мечтает об обыкновенном принце. Желательно, конечно, на белом коне, но и на чем-нибудь другом тоже сойдет. Был у нее Лешка, был у нее Антон. Дураки! У одного в жизни все слишком просто, у другого – слишком сложно. Подруги целуются, обнимаются, расслабляются, когда родителей нет дома, а она, оберегаемая сестрами и папой, чаще бывает на светских приемах занудных VIP-персон, чем в ночных клубах или на приятельских вечеринках. О, если бы она хоть раз заикнулась о том, что не придет ночевать... Н-да-а... Ее бы убили. Сразу! Ольга бы завалила аргументами, засушенными до гранитного состояния, а папа накрыл бы волной такого гневного недоумения, что лучше и не начинать. Полина? Полина бы приободрила, но вмешиваться не стала: даже с ее легкими взглядами на жизнь «крошке Катюшке» еще рано отправляться в свободное плавание. Младшая в семье – это приговор.

Сергея пришлось ждать около раздевалки минут пятнадцать, но время не было потрачено зря. Катя припудрила носик, мазнула кисточкой с румянами по щекам, покусала губы для яркости и привела в порядок волосы: расчесала, а затем взбила их. Сбегала к зеркальной двери конференц-зала

и осталась довольна собственной внешностью. Он взрослый парень – это здорово! Главное, чтобы не видел в ней лишь симпатичную малолетку.

– Ну, пошли, – сказал он, засовывая руку в карман, и Катюшка радостно кивнула.

В одежде Сергей оказался ничуть не хуже, чем в трусах и майке: голубые джинсы и синий свитер с широкой красной полосой на груди удивительно ему шли. И объемная спортивная сумка удачно завершала образ супермужчины. Он точно с обложки журнала, но только не противно-смазливый, а классический такой... Ну, супермужчина – он и есть супермужчина!

Катюшка сжимала губы, чтобы не озарить мир преждевременной блаженной улыбкой.

– Ты где живешь?

– На Ленинском проспекте.

– С родителями, что ли?

«Что ли» ей не очень понравилось. Будто она сама не может жить там, где ей хочется!

– С папой, – ответила Катюшка, опуская подробности про сестер. Теперь-то они разъехались – Полина к Андрею, Ольга к Никите.

Сергей перешагнул последнюю ступеньку, остановился, заглянул ей в глаза и насмешливо спросил:

– Папина дочка, что ли?

Опять это противное «что ли»!

Уверенности значительно поубавилось, и Катя от обиды поджала губы. Ну и что? Да, она живет с отцом, можно подумать, все после школы собирают вещи и отправляются из родительского дома куда глаза глядят!

Эх, но она не только живет с отцом, она действительно самая настоящая папина дочка – ни шагу без его разрешения. Наверняка он сейчас трезвонит на мобильник, и хорошо, что зарядка скоропостижно скончалась.

– Вовсе нет, – хлопнув ладонями по перилам, Катюшка тоже перешагнула через ступеньку. – Сестры разъехались, а я пока не могу оставить папу одного.

– Значит, самостоятельная? – Сергей опять усмехнулся.

– А у тебя это вызывает сомнения? – стараясь быть небрежной, спросила она. – Ну, где твоя машина?

Он нажал кнопку брелка, и белая «десятка», припаркованная около рекламного стенда, приветливо пискнула.

– Садись, – кивнул Сергей, распахивая заднюю дверцу, чтобы бросить на сиденье сумку.

Катюшка уселась в кресло, бегло осмотрелась и перевела взгляд на часы – еще не вечер. Папочке она не отзвонилась – ну и ладно, в конце концов, до двенадцати далеко, и... и возможно, он сам задерживается. А через полчаса она будет дома.

Но Сергей явно никуда не торопился. Включив музыку, повернулся к Катюшке и нежно провел пальцем по ее щеке, отчего по телу побежали мурашки.

– Я рад, что ты зашла в зал и мы познакомились.

– Я тоже рада, – ответила она, улыбаясь.

– И ты точно не папина дочка? – с иронией в голосе повторно спросил Сергей.

– Точно, – с вызовом ответила Катя.

– Тогда поехали со мной на озера.

Катя с волнением ожидала приглашения в кафе, ресторан или кинотеатр, но озера... Что он имел в виду?

– Какие озера? – удивленно спросила она, отчего-то вспомнив учительницу географии и ее вечное: «А тебе, Шурыгина, Колумб бы не доверил даже драить палубу на «Санта-Марии», и 3 августа 1492 года ты бы, скорее всего, тушила треску в глиняном горшке, а не собиралась в экспедицию к новым берегам!»

– Самые обыкновенные валдайские озера. Я с друзьями еду на майские праздники – порыбачить и отдохнуть, и готов взять тебя с собой. Или ты предпочитаешь торчать в Москве?

«Я папина дочка, я папина дочка, – затараторила про себя Катюшка, трусливо вжимаясь в мягкую спинку сиденья. – Я папина дочка... совсем маленькая... ага, ага...»

Вот как теперь объяснить, что ее никто никуда не отпустит? И, если честно, она пока не готова ехать за тридевять земель с малознакомым человеком, пусть у него и суперские руки и не менее суперские ноги.

А Польша бы поехала...

Эх.

– Мы мало знакомы, – тихо протянула Катюшка и, вернувшись в образ сексапильной брюнетки, выпрямила спину, вздернула нос и повторила громче: – Мы мало знакомы.

– Отдельная комната тебе гарантирована, – бросил Сергей, разворачиваясь к рулю. – Пара домиков на турбазе уже забронированы. Подумай, а то у нас одно место пропадает. Картошка на углях, шашлык, рыбка только что из водички – или ты привыкла к трюфелям и перепелкам?

Проверяет он ее или хочет уколоть, Катюшка никак не могла понять, но на всякий случай отодвинула сумочку, привезенную Полиной из Парижа, поближе к дверце. Ну, чтобы в глаза не бросалась.

Какие трюфели, какие перепелки, если Ольга последнее время варила рис и готовила говядину на пару! Где эти трюфели? Где эти перепелки?

– Я же сказала, – пожалала она плечами, – мы мало знакомы, дело только в этом. – Она закусила нижнюю губу и посмотрела в окно. «Н-да, представляю лицо папочки, если бы он узнал о возможной поездке на валдайские озера».

И все же ей стало ужасно весело от заманчивых перспектив знакомства, от разговора и от уютной атмосферы, царившей в машине. Точно она выпила пару бокалов шампанского, и музыка, медленная романтическая музыка, вылетающая из динамиков, звучала именно для нее, В душе от этого пели робкие мелодичные колокольчики – динь-динь, динь-динь.

И никакая она не маленькая... маленьких с собой на валдайские озера не зовут. А где, кстати, находится Валдай?

Когда за окошком показался родной дом, Катюшка напряглась в ожидании прощания. Каким оно будет? Захочет ли Сергей с ней встретиться еще раз? Кафе, ресторан, киношка – почему бы и нет?

– Это твой дом? – с непонятной интонацией в голосе спросил он, притормаживая около подъезда.

– Ага.

– Неплохо.

– Четвертый этаж, – зачем-то уточнила Катя и застегнула куртку.

– Даже боюсь спросить, сколько у вас комнат.

– Много, – она улыбнулась до ушей и вжала голову в плечи.

– Понятно...

Кажется, его голос стал резче или показалось?

– Ну, пока, – жизнерадостно бросила она, стараясь произвести нужное впечатление.

– Подожди! – Сергей наклонился, достал из бардачка блокнот, ручку, быстро написал номер своего мобильного и вырвал лист. – Позвони, если скучно будет или вдруг задумаешь метнуться на озера.

– Ага, – кивнула Катюшка и с сожалением отметила отсутствие с его стороны домогательств и намеков. Пусть бы еще раз дотронулся до ее щеки или обнял напоследок... Или

уточнил, когда они теперь увидятся.

Но он же дал номер телефона, хотя почему-то не попросил ее номер в ответ.

А потому что не хочет навязываться! Решение и выбор за ней!

Более или менее в себя Катюшка пришла только за дверью подъезда. Ух! Она легко и просто познакомилась с Сергеем Романенко, по которому, как оказалось, сохнут и Оксанка, и Маринка. И он позвал ее в далекое путешествие и пообещал накормить печеной картошкой, шашлыком и рыбой... Ну что, папа, Полина и Оля? Не ожидали?

– Я – роковая брюнетка, – хихикнула Катюшка и зашпешила вверх по лестнице. – М-м-м, – высунула она язык и скорчила гримасу, – много вы понимаете! Колумб, Колумб!..

Этот выпад предназначался вредной учительнице географии, которая частенько любила еще приговаривать: «Ты, Шурыгина, сама абсолютно не в состоянии определить, где Курильские острова, а где Огненная Земля».

* * *

– Ты фильм про Красную Шапку смотрел? Два волка: один – худой и высокий, второй – короткий и толстый...

– Смотрел, – буркнул Степан, нервно листая страницы медицинской энциклопедии.

– А еще: большой мешок и маленькая глупенькая девоч-

ка...

– Не такой уж она и глупой была! И насколько я помню, дело закончилось не в пользу волков.

Павел ничего не ответил. Плюхнувшись на диванные подушки, он раскинул руки в стороны, уставился в потолок и скользко улыбнулся. Степан – трусливый дурак, привыкший держаться за теткину юбку, но с ним все же лучше, спокойнее. Пусть нудит, никуда ему не деться. А как они заживут потом, как заживут! Рестораны, машины, женщины...

– Тяпа, а как ты относишься к женщинам? – насмешливо спросил Павел, поворачивая голову в сторону приятеля.

– Положительно, – натянуто ответил Степан, но тут же, вспомнив Нину-Нинель, поморщился и откорректировал ответ: – Терпимо.

Ох, как бы ему хотелось сейчас оказаться совсем в другом месте! И пусть бы тетка ругала за грязные носки в корзине для белого белья или за хлебные крошки на журнальном столике и пилила с утра и до вечера. Не с его здоровьем, возрастом и характером ввязываться в подобные истории. Пашке-то что! Пашка и не из таких передрыг чистеньким выходил! И еще неизвестно, чем он занимался последние годы... Если не врет, то сначала на хлебозаводе работал, потом барменом в дешевой забегаловке, потом альфонсом (весьма «милое» занятие)... Целый день Павел мусолит свой план, слушать невозможно, уже в груди странные похрипывания наблюдаются и пальцы на ногах холодеют и скрючива-

ются – к чему бы это? И на кой черт их свела судьба сто лет назад! Сходил, называется, к однокласснику в гости и подцепил эту заразу – Павла! – на всю оставшуюся жизнь. Это именно Пашка его сбивал с пути истинного! Подежурь вот здесь, постой вот там, держи выручку, не правда ли, легко получилось?

И Пашка еще умеет притянуть к себе, точно гипнозом обладает – слушаешь и веришь, что действительно все просто и без проблем.

Степан шмыгнул носом и быстрее зашелестел страницами книги, демонстрируя чрезмерную занятость. Вот с кем он всегда находил общий язык, так это с медицинской энциклопедией 1961 года издания, Москва. Главная редакция – А.Н. Бакулев и Ф.Н. Петров.

Предстарческие психозы – психические расстройства, возникающие в возрасте 50–60 лет и позднее, протекающие с явлениями тревоги, тоскливости, рассеянности, беспокойства... Больным кажется, что с ними или с членами их семьи должна случиться беда... они ждут за что-то наказания... их необходимо вовремя помещать в психиатрическую больницу.

Какой кошмар! Уши Степана вспыхнули огнем. Конечно, до пятидесяти еще далеко, но перспективы удручающие. И уже сейчас имеются предпосылки. Какой кошмар!

– У тебя вода есть? Фильтрованная, – пискляво произнес он, жалко сморщившись.

– В чайнике. Обычная, – махнул рукой Павел и, оживившись, сел. – Я тебе ее покажу.

– Кого?

– Младшую Шурыгину.

– Нет, не надо... – Степан замотал головой и поджал ноги под кресло. Вероятность заполучить предстарческие психозы намного раньше обещанного срока обрушилась на плечи неподъемным грузом. – Я решил... я в этом не участвую...

Но Павел не обратил внимания на отказ. Подскочив, он отбил чечетку на месте и многозначительно произнес:

– Ларьки вместе грабили и за девчонкой вместе пойдем, понятно?

– Я не грабил, – отчаянно замахал руками Степан, – я только на шухере стоял. Это было давно... очень давно... и всего пять раз или шесть... ты же сам говорил, что это не считается...

– Ха, а я тебе врал! И если меня поймают, обязательно скажу, кто меня заботливо прикрывал.

– Но...

– Давай, Тяпа, давай, – усмехнулся Павел, – не трись. Будем потом черную икру есть ложками и мимо твоей тетки на лимузинах проезжать. Хочешь на белом? А хочешь на розовом? – Он щелкнул зажигалкой и засмеялся. – Не трись, Тяпа, не трись!

Степан вновь всхлипнул – жалобно, горько – и поплелся на кухню пить воду обыкновенную. Выхода нет... выхо-

да нет. Пашка ни за что не отпустит, да и вдруг настучит на него из вредности при плохом раскладе? А может, обойдется? Чуть-чуть риска – и все позади. Это же только на шухере постоять... один разок... Как в старые времена.

Глава 2

Если бы Катя чувствовала себя хоть в чем-то виноватой, она бы тихонько открыла дверь, быстро скинула верхнюю одежду, подхватила тапочки, прокралась на цыпочках в свою комнату, разделась, юркнула в постель, накрылась одеялом почти с головой и закрыла бы глаза – завтра ругать будут уже не так сильно...

Но она себя виноватой совершенно не чувствовала. Более того, праведный гнев на сестер и папу за излишнюю опеку тесно переплелся с восторженным: «Я взрослая, я взрослая, я ему понравилась!» и с мечтательным: «Как же хочется отправиться в путешествие – вперед к неизвестности и новым чувствам!» Разве многого она хочет? Разве у нее нет права на собственную жизнь? Не абы какую, а восхитительную!

Катюшка хлопнула дверью, сунула ключи в карман, бросила сумку на диванчик, возвела глаза к потолку и шумно и счастливо вздохнула. Она не поняла, что произошло: влюбилась или нет? Она не знает, что будет завтра: встретятся ли они еще? Но улыбка не сходит с лица, душа поет, и немножко дрожат пальцы, точно экзамен позади и в зачетке стоит твердая четверка. Почему четверка? Потому что пятерка – это слишком. Пятерка не дает развернуться мечтам, она утверждает, а не подталкивает вперед...

«А мне еще столько нужно узнать и попробовать», – сму-

ценно протянула про себя Катюшка – и наткнулась на суровый отцовский взгляд. Э-э...

– Ты где была? Посмотри на часы! Почему твой телефон не отвечает?! – Петр Петрович сдвинул брови и, не сбавляя накала, резко добавил: – Я волнуюсь. Тебе не приходит это в голову?

Нет, ей это в голову совершенно не приходило, то есть абсолютно.

– Десять часов с копейками, – удивленно ответила Катя, не понимая сути претензии, – время еще детское.

– Без двадцати одиннадцать, – уточнил Петр Петрович. – Что с твоим телефоном?

– Разрядился, зараза.

– Что за выражения?

– Извини, вырвалось... Я могу уже пойти... м-м-м... спать?

– Нет, я жду тебя в кабинете! – громыхнул Петр Петрович и решительно направился в свою «обитель».

На протяжении последних ста лет в кабинет вот таким тоном вызывали только Полину, и уж там ей доставалось по полной программе... Гром и молния!

Катюшка на миг замерла, не веря глазам и ушам: неужели ее сейчас будут ругать, как Полину?.. Ага, по-настоящему... Ух!

Сунув ноги в тапки, она прошла в ванную, вымыла руки, потянула время около зеркала, хмыкнула и спокойно отпра-

вилась на казнь. Она же ни в чем не виновата! Видимо, папа тоскует по старым добрым временам, когда они жили все вместе, когда Полина сводила с ума, а Оля занималась хозяйством и шелестела страницами договоров и в своей комнате, и в кухне. Теперь-то конечно! Теперь-то сконцентрировать внимание можно только на ней. А кого интересует, что у нее в душе?

Катюшка подавила хулиганскую улыбку, расправила плечи и перешагнула порог кабинета. Эх, хотела бы она посмотреть на папино, Полинино и Олино лица, если бы в один прекрасный день она собрала сумку и уехала на озера или еще куда-нибудь. С мужчиной. Ага. Высоким, красивым мужчиной.

– Садись, – Петр Петрович указал на стул, а сам сел в кресло за письменный стол. Сложив руки перед собой, он внимательно изучил внешний вид младшей дочери (вроде не разгильдяйский) и приступил к допросу: – Где ты была?

Катюшка плюхнулась на стул и взяла несколько секунд на размышление. Можно бесконечно выкручиваться, можно выдать часть правды, можно всю правду, можно преподнести историю так, что вроде и правда, но без криминала (для папочки маленькое приключение с Сергеем Романенко, наверное, будет криминалом). Но с другой стороны, если она не начнет себя вести как взрослая самостоятельная девушка, то...

– Я слушаю тебя, – поторопил Петр Петрович.

– В институте, – честно ответила Катя.

– Ты перешла на вечернее обучение? – иронично спросил он.

– Нет... ну... закрутилась: то одно, то другое, а потом пошла в зал.

– Какой еще зал?

– Спортивный, конечно.

Ответ Петру Петровичу не понравился. Спортивный зал – это мячи, корзины, канаты и разогретая толпа любителей побегать и попрыгать. И насколько он помнил свои молодые годы, к футболистам, баскетболистам, теннисистам всегда прилагалась группа болельщиц-поклонниц. Нет, если бы Катюшка хоть раз заинтересовалась спортом, он бы предположил что-нибудь иное, но его изнеженная и капризная младшая дочь никогда не тяготела к физическим нагрузкам, а значит...

– И что ты там делала?

– Смотрела игру.

– Какую?

– Баскетбол.

Отлично! Здоровые парни в трусах и майках матерятся и толкаются, желая получить мяч, а она смотрит и слушает. Отлично!

– И?

– Что «и»? – Катюшка непонимающе приподняла брови. «Папа, ну как тебе объяснить?» – Я пришла домой в пол-

одиннадцатого. Это же не ночь? Я вообще не понимаю, почему ты недоволен.

Петр Петрович и сам не мог четко сформулировать претензии. Работа, работа, работа... Он не знает, с кем она дружит, как проводит свободное время, о чем мечтает, наконец! Собственно, это его вина, но и у нее ответственности в словах и поступках не наблюдается. Нет ответственности. Ау-у, ответственность, где ты?..

– Ты должна приходиться домой не позже десяти часов, и я хочу знать, где ты находишься. И зачем тебе мобильный телефон, если ты не даешь себе труда его зарядить?

– Так получилось...

– Это не ответ. – Немного успокоившись, Петр Петрович откинулся на спинку кресла и покачал головой. – Катя, – строго продолжил он, – я не хочу, чтобы ты совершила ошибки, о которых впоследствии пожалеешь, ты еще наивна и мала...

– Двадцать один год, между прочим, – обиженно буркнула Катюшка.

– В твоём возрасте лучше всего сосредоточиться на учебе, не нужно забывать о самодисциплине и дальнейших перспективах. Ты же умная девочка, и все в твоих руках. Но если начнешь разбрасываться, если станешь позволять себе небрежность и...

Дальше Катюшка уже не слушала. Голос отца потянулся к потолку, затем к книжным полкам, а потом устремился к

окну и вылетел на улицу. А Сергея можно назвать красивым. Руки у него и ноги такие... мужские. Длинная светлая челка, острый нос... И смотрел он на нее с интересом. Девчонки умрут от зависти, если узнают. Потому что он взрослый, а это шаг к серьезным отношениям – надолго. А у нее как раз еще не было серьезных отношений – с затяжными поцелуями, огненной страстью и трепетной любовью. Как у Полины, как у Оли, как у многих женщин на планете Земля. Он должен в нее втрескаться по самые уши! Должен превратиться в бедного трубадура, который ходит по свету и слагает песни о прекрасной кареглазой Екатерине и о своем глубоком чувстве, сжимающем сердце до боли...

Катя представила Сергея с тромбоном в руке, в линиялой футболке, порванных на коленях джинсах, давно потерявших цвет и само право на существование, и скептически сморщила нос. Не-а, трубадур из него не выйдет. А Дон Кихот? Ламанчский? Или какой он там?.. На старой кляче с копьём!

– ...ты меня слушаешь? – раздраженный голос безжалостно разорвал очередной образ на две лохматые части. – Расскажи, о чем ты думаешь, обещаю, я все пойму.

О, как заманчиво!..

Она даже не успела осознать своих порывов, своих «да» или «нет», как на свободу вырвалась правда...

– Я влюбилась, – выдохнула Катя, улыбнулась и неуверенно добавила: – Наверное, влюбилась...

Первый раз в жизни Петр Петрович Шурыгин захотел, чтобы у него оказались проблемы со слухом. И чтобы эти слова явились не чем иным, как самой обыкновенной слуховой галлюцинацией. Он ослышался, обманулся, неправильно понял... Его дочь, его малышка не может влюбиться сейчас. Абсурд! Очередная детская глупость!

– Ты влюбилась? – коротко спросил он, крепко вцепившись в подлокотники кресла.

– Ну-у-у, это еще не точно... я сегодня познакомилась с молодым человеком, который... вроде понравился, – Катюшка выдала информацию порционными вагончиками и замерла, ожидая ответную реакцию. А что такого? Миллионы девушек каждый день знакомятся, общаются и строят планы на будущее. «Папочка, пойми же меня, пойми!» Полины нет... кому излить душу? Сам же попросил рассказать о наболевшем!

– Та-а-ак, – протянул Петр Петрович, тщательно подбирая слова для дальнейшей нравоучительной беседы, которую хотелось решительно сократить до емкого: «Чтобы я этого больше не слышал, марш в постель!» Она совсем еще мала, а кругом шныряют наглые, самоуверенные негодяи, мечтающие только об одном! Когда-то он и сам был таким негодяем и прекрасно знает, к чему ведет «тактика ближнего боя».

– Он играл в баскетбол, а я сидела на скамейке болельщиков, – робко уточнила Катюшка, потупив взор. Ага, так и было. Он играл, она сидела...

А потом Сергей пригласил ее в путешествие.

А вдруг папа отпустит? Вот возьмет сейчас и отпустит?!

Да, она должна отстаивать свои права!

– И как зовут этого... героя? – процедил Петр Петрович, хотя правильнее было спросить: «Как зовут этого камикадзе?»

– Сергей Романенко. Он немного старше меня... – сгладила углы Катюшка, тщетно пытаясь понять настроение родителя. – И, папа... – Она вдруг улыбнулась и радостно выпалила: – И, папа, он пригласил меня на озера! Романтично, правда? Помнишь, Польша отправилась любоваться фонтанами в Питер на целую неделю с братом одноклассницы? А помнишь, она попыталась добраться автостопом чуть ли не до Новосибирска, желая попасть на рок-фестиваль, но на полпути застряла в какой-то глуши, где проходил совсем другой фестиваль – любителей пива... Помнишь? Я пока не уверена, что хочу поехать, но я никогда не была на Валдае. Там турбаза, и у каждого будет отдельная комната. – Катюшка подскочила и заходила по комнате. – Папа, а может, мне и правда махнуть на озера? – Она остановилась, наклонила голову набок, шмыгнула носом и закусилла нижнюю губу. – А?

«Точно так же много лет назад она стояла на новогоднем утреннике в детском саду, – вспомнил Петр Петрович, сжимая зубы. – Только огромного белого банта с разноцветными блестками не хватает».

Довольно! Он слишком долго и терпеливо слушал этот

восторженный бред. Какой еще, к черту, Валдай?! Полина? О да, он помнит все ее выкрутасы, и седина у него появилась как раз после славного фестиваля пива в деревеньке не то под Тюменью, не то под Екатеринбургом, больше напоминавшего банальную молодежную пьянку, чем культурное мероприятие с участием знатоков! Никакого Валдая, никакого Сергея Романенко с загребущими руками, никаких отдельных комнат на краю вседозволенности не будет! Хватит с него Полины!

Из-за стола Шурыгин поднимался медленно, словно черная туча, долго копившая раздражение и злость. Его аристократическое лицо вмиг огрубело, в глазах сверкнул огонь, а пальцы сжались в кулаки. Довольно! Хотя бы младшую дочь он оградит от болезненных разочарований, и он сделает это даже наперекор ее собственным наивным желаниям! «Какой-то здоровый детина будет ее обжимать за сотни километров отсюда?.. Довольно!»

– Катя, ты меня сейчас очень удивила. Ты действительно считаешь, что я могу благословить тебя на все четыре стороны, отпустить с малознакомым парнем неизвестно куда и спокойно продолжить работу, делая вид, будто так и надо?! – Голос Петра Петровича становился жестче и резче с каждым словом. – Ты действительно так считаешь? – Он чуть подался вперед и приподнял брови. – О какой любви идет речь, если ты знакома с ним несколько часов?!

Катюшка вздрогнула и вжала голову в плечи.

– Но ты же сам сказал: расскажи, и я пойму...

– А я не предполагал, что у моей младшей дочери такое богатое воображение! Я не предполагал, что ее голова забита совершеннейшими глупостями! И я лишний раз убедился в том, что ты слишком мала и наивна и отпускать тебя дальше чем на километр категорически нельзя! – Петр Петрович громыхнул креслом, сделал несколько нервных шагов к книжным полкам, резко остановился и, посмотрев прямо в глаза Кате, громко и четко добавил: – Я не желаю больше слушать этой ерунды, ты должна учиться – вот главное! И я теперь буду следить за каждым твоим шагом! Хочешь любви? Прекрасно! Станешь взрослее, умнее, встретишь достойного человека и выйдешь замуж! А пока у тебя в голове ветер. И потрудись заряжать мобильный телефон, иначе в следующий раз я сам отправлюсь за тобой в институт и переверну все вверх дном, но найду тебя!

Бросив последнюю угрозу, Петр Петрович вернулся за стол, сел и уткнулся в бумаги, обозначив тем самым конец «задушевной» беседы. Нужно было раньше заниматься ее воспитанием, конечно, а то слоняется не пойми где! Не хватало ему получить вторую Полину! Нет, сердце у него не железное и подобной катастрофы уже не выдержит – Катя должна, наконец, понять, что в жизни главное. А также пришло время научиться разбираться в людях! И думать, думать нужно: что и зачем делаешь и к чему это может привести.

– Иди спать! – резко добавил он, считая тему закрытой.

Катюшка почувствовала, как пол уходит из-под ног, от обиды на глаза навернулись крупные слезы. Всклипнув, она бросила на отца отчаянный взгляд и вылетела из кабинета. Как он мог так обмануть ее надежды! И почему нельзя влюбиться в двадцать один год? Она сама еще не разобралась... Или разобралась? И зачем говорить «Я пойму», если понимать не собираешься? А Сергей на нее смотрел по-особенному! И она вовсе не глупый цыпленок и не наивная дурочка!

– А вот уеду, и будете знать! – Вытерев ладонью слезу, Катя рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала.

Почему, почему Полине можно, а ей нельзя? Почему она должна жить взаперти под надзором, когда на улице весна?

– Сама виновата! – Она ударила кулачком по одеялу и издала плаксивый стон. И что на нее нашло? Зачем рассказала о встрече с Сергеем? Разве папа мог понять ее чувства и переживания? Хорошо еще, он не бросился сразу убивать всех молодых людей, которых она хотя бы раз держала за руку! Лешка и Антон были бы уже мертвы и похоронены за чертой города, и только одинокая ворона безутешно бы каркала над их могилами.

– Ничего, – переворачиваясь на спину, всклипнула Катюшка, – я вам покажу, какая я маленькая... будете знать, как меня обижать... И ты, папа, поймешь, что я взрослая, что я имею право на нормальную жизнь и могу встречаться с кем хочу.

Шмыгнув носом в последний раз, Катя вытерла щеки, поджала губы и села. Волосы прилипли к лицу, и она недовольно убрала их за уши.

«Дорогой папа, я уехала на Валдай с Сергеем. Не волнуйся, все будет хорошо, я просто хочу отдохнуть от учебы. Целую, твоя младшая дочь. P.S. Не ищи меня, пожалуйста. Обещаю заряжать мобильник каждый день».

Вот такое письмо она оставит на прикроватной тумбочке перед майскими праздниками.

– Ага, ага.

* * *

– Она, видите ли, влюбилась, – Петр Петрович отшвырнул ручку и устало провел ладонью по лицу. – Любовь – это совсем другое.

А какое?

Да кто ж его знает...

Рука сама потянулась к телефону, и Шурыгин, бросив взгляд на часы (поздно, да, уже поздно, но все же), быстро набрал номер Любы. Номер, который он выучил сразу, номер, который имеет черную масть и аромат полевых цветов.

Он должен с ней поговорить, должен услышать ее голос и условиться о встрече. Хватит по-мальчишески трусить.

Ухнуло сердце или ухнул филин? Какой еще филин! Петр Петрович улыбнулся и взволнованно стал слушать длинные

гудки. Один, второй, третий...

* * *

Сколько раз бабушка изумлялась ее затяжному спокойному одиночеству. «Ты когда начнешь свою личную жизнь устраивать? Свободная женщина в тридцать пять лет должна за мужчиной, как за хлебом, ходить. Я в твоём возрасте уже трех детей нянчила и четвертого ждала! Мать твоя второй раз замуж вышла и укатила в Астрахань... Ты молода, красива, умна, в тебе цыганская кровь течет! Да ты одним взглядом должна их с ума сводить!» – частенько говаривала старая Рада, переживая за личную жизнь внучки. Но Люба лишь отшучивалась – ей никогда не нужны были искусственные отношения, которые не греют – лишь галочка на все том же одиночестве.

Она ждала любви. Настоящей. Всегда ждала.

В жизни случалось разное, но сердце не горело огнем, цыганская кровь не бурлила... Что же теперь?

Люба отложила в сторону последнюю проверенную тетрадь, поднялась со стула, подошла к шкафу, распахнула дверцу и протянула руку к самой дальней вешалке. Длинная цветастая юбка и алая кофта со шнуровкой на груди.

– Что же теперь? – улыбнулась Люба, представляя себя танцующей в этом пестром наряде. – Бабушка, видела бы ты меня сейчас! – прошептала она и прислонилась спиной

к шкафу.

Теперь она ждет от него звонка, ждет встречи, она еще раз хочет заглянуть в его глаза, прочувствовать его силу, дотронуться до весомого, но пока, увы, незнакомого мира... Какой он, Петр Петрович Шурыгин?

Она – школьная учительница, рассказывает детям о цветах и травах, о птицах и насекомых, и о многом, многом другом. А он – владелец холдинга, светский человек, отец трех взрослых дочерей. Не слишком ли различны их жизни и пересекаются ли они хоть в одной точке?

Телефон зазвенел – и вопросы мгновенно отступили, сердце подсказало: это он.

– Да?

– Здравствуйте, Люба.

– Здравствуйте, Петр Петрович...

– Извините, что так поздно...

– Ничего, я не сплю. – Она села в кресло, положила на колени вешалку с ярким нарядом и улыбнулась. Он позвонил. Да, он позвонил.

– Я очень хотел услышать ваш голос, Люба. И очень хотел бы вас увидеть.

– Давайте встретимся завтра, – просто предложила она, поймав волнение в его голосе и стараясь скрыть собственное волнение. – Завтра вечером я буду в Ботаническом саду, я занимаюсь растениями в одной из оранжерей, и освобожусь около восьми часов. Вам будет удобно?

– Да, конечно!

Она еще раз улыбнулась и тепло ответила:

– Вот и отлично.

Глава 3

– Это я, привет... Катя то есть.

Она нервно сжала мобильник и воровато огляделась по сторонам. И хотя рядом никого не было – студенты давно разбрелись кто куда, этажи опустели, сердце все равно ойкало и екало так, будто она стояла на сцене Большого театра и сообщала публике о своих тайных мечтах. «Леди и джентльмены! Я влюбилась и собираюсь сбежать из дома! Только не говорите об этом моему папочке!»

Полдня она тряслась от радости, что все решено и она свободна, а также от воспоминаний о встрече с Сергеем (высокий, блондин, нос Штирлица, и как ловко он отправлял мяч в корзину!). Чем больше она думала о нем, тем больше убеждалась, что он особенный, необыкновенный, лучший. И как нежно Сергей провел пальцем по ее щеке...

– Привет, я тебя узнал.

– А я решила позвонить, потому что... потому что... а просто так!

К разговору Катюшка тщательно подготовилась перед зеркалом в туалете, но по закону подлости ловкие фразы куда-то улетучились, а ничего умного в голову не шло. Главное – не мямлить! Непринужденность и уверенность в себе – вот путь к успеху! Так Катя настраивала себя еще пять минут назад, но теперь коленки дрожали, щеки горели, и казалось, глупее

ее нет никого на свете.

– Правильно сделала, у меня как раз обеденный перерыв и есть время поболтать.

«Уфффф, – мысленно протянула Катюшка, почувствовав поддержку. – Я смогу, я смогу».

– А где ты работаешь?

– В одной приличной конторе.

– Понятно... – Она бесшумно вздохнула, зажмурилась и решительно выпалила: – А я надумала поехать с тобой на озеро. Ты прав: чего торчать в Москве, если можно поесть печеной картошки и рыбы. Предложение еще в силе?

– Конечно, в силе, – легко ответил Сергей. – И конечно, поехали. Уверен, тебе понравится, там очень красиво. Кстати, выезжаем тридцатого, в пятницу утром, так что пакуй вещи. – Он усмехнулся и добавил: – Сейчас тепло, шубу брать не надо.

– А я и не собиралась брать шубу, – улыбнулась Катюшка. – Сапоги нужны? Резиновые?

– А они у тебя есть? – В голосе собеседника проскользнули насмешка и удивление.

– Нет, но я куплю.

– Знаешь что, давай встретимся сегодня вечером и все обсудим. Времени осталось мало, так что решим кучу организационных вопросов сразу.

– Отлично! – Катюшка закивала, будто Сергей мог ее увидеть. – А где? Во сколько?

– Около главного входа ВДНХ в семь. Устроит?

– Ага, договорились.

Закончив разговор, она крутанулась на месте, сунула мобильник в сумку и, подпрыгивая, точно школьница, понеслась домой. Если человек хочет начать самостоятельную жизнь, ему не нужны чьи-то одобрения и разрешения, он должен ее просто начать – и точка! Сергей о ней позаботится, он же старше и опытнее. А ее дело быть неотразимой, роковой и волшебной!

На волшебство Катюшка потратила больше трех часов: мылась, одевалась, красилась, потом переодевалась, потом умывалась, опять переодевалась, причесывалась, красилась, переодевалась... Ей хотелось выглядеть эффектной, но не очень... то есть чтобы он не догадался о затраченных усилиях и о жгучем желании понравиться, но при этом она должна выглядеть на пять с плюсом. Остановившись на светлых джинсах, тонком желтом свитере под горло и короткой черной курточке, она наконец-то успокоилась. Образ получился яркий и сочный, можно даже сказать аппетитный. Розовая помада, тушь – и она готова к великим свершениям!

– Не волнуйся, папа, сегодня я приду не поздно, – многозначительно сказала она пустующему кабинету и отправилась на свидание.

Опоздала она лишь на пять минут, Сергей уже стоял около главного входа. Очень хотелось, чтобы в его руках оказался роскошный букет алых или бордовых роз, но, увы, никаких

цветов не было. «Еще рано, – подумала Катюшка, – у нас же пока нет серьезных отношений, мы еще только в начале пути!» Хотя романтика должна присутствовать с самого начала... Наверное, не успел купить.

Но цветов все равно хотелось.

– Привет, а я уже приготовился к долгому ожиданию, – Сергей кивнул в сторону фонтанов, павильонов, ларьков и добавил: – Пойдем.

– Я редко опаздываю, – просто ответила Катюшка, смахнув челку набок.

– Извини, вытащил тебя в такую даль, но я работаю поблизости, а вечером еще куча дел...

– Ничего, я здесь сто лет не была, так что прогуляюсь с удовольствием.

Она покосилась на Сергея и робко скользнула взглядом по его фигуре. То ли в мечтах она увеличила его мышцы в два раза, то ли в трусах и майке в зале он смотрелся особенно спортивно, то ли именно эти брюки, рубашка и джемпер скрадывали силу, но только сейчас он выглядел симпатичным долговязым парнем лет двадцати пяти, а не могучим шотландским горцем, готовым превратить в рубленую котлету кого угодно. Но это такие мелочи!

Катюшка почувствовала легкий озноб, когда представила его уверенные руки на своей талии, вспомнила, как он коснулся ее щеки...

– Значит, ты решилась?

– А? Что? А! Ну да!

– А папа не будет против? – усмехнулся Сергей.

– Абсолютно нет!

– Как я уже говорил, выезжаем тридцатого, много барахла с собой не бери, всего-то четыре дня на отдых.

– А кто еще поедет?

– Мои друзья – Вика и Костик.

– Понятно, – ответила Катюшка, бодро прибавляя шаг.

Сергей продолжил инструктаж, а она стала думать совсем о другом: получается, что едут две пары и забронированы два домика. А она будет жить с Сергеем или с Викторией? Вроде с Сергеем. Хорошо это или плохо? И как бы она сама хотела?

Он остановился, взял ее за руку и чуть притянул к себе. Катюшка подняла голову и встретила насмешливый взгляд. Взгляд обжигал, топил и смущал.

– Я еще не говорил, как ты красива сегодня?

– Не-а, – она мотнула головой и щедро улыбнулась.

– Я был не прав... Ты красива. Очень.

– Спасибо, – Катя сделала кокетливую попытку освободиться из объятий, но Сергей не отпустил.

– Я рад, что ты едешь, и обещаю: тебе понравится.

Окончание фразы прозвучало слишком двусмысленно, и Катюшка на миг струхнула. Но у нее же будет отдельная комната, и Сергей не похож на злодея, обижающего очаровательных девушек. Он похож на киногероя! И Оксанка, и Маринка много бы отдали ради одного свидания с ним. Но он вы-

брал ее. Как же от него вкусно пахнет! Какой-то тайной и кедром.

– Надеюсь! – Она опять улыбнулась.

Сергей подвел ее к скамейке, они сели и стали смотреть на фонтан. Шум воды гармонировал с шумом мыслей в голове Кати, и она замерла, надеясь усмирить волнение. Полина всегда кидалась в омут с головой – и ничего страшного не случалось, она только приобрела опыт, который впоследствии ей наверняка пригодился. Вряд ли старшая сестра нервничала по каждому пустяку, вряд ли трусила перед мужчиной...

– Купаться любишь? – спросил Сергей.

– Ага, но пока еще холодно, – Катюшка повернулась и опять встретила с ним взглядом. Он смотрел на нее внимательно, с любопытством.

«Лучше бы он смотрел на меня с восхищением», – подумала она и смело придвинулась к Сергею поближе.

Его ладонь скользнула по ее талии и остановилась, как бы раздумывая, затем неторопливо поднялась по спине вверх. Он коснулся пальцами ее волос, шеи, усмехнулся и убрал руку.

«Я ему очень нравлюсь», – подумала Катя, пряча неловкость.

– Да, еще холодно... Давай прогуляемся до Ботанического сада, – предложил Сергей, – а потом я отвезу тебя домой.

– Хорошо, – радостно согласилась Катюшка, вспоминая

уютный салон «десятки». Они будут рядом, интимно близко, и может, он ее поцелует...

* * *

Из страха попасть в пробку и опоздать Петр Петрович сначала собирался совершить подвиг – поехать на метро. Да, пришлось бы покупать билет, смущенно тыкать его в щель турникета (кто знает, какой стороной? не придумали ли там чего-нибудь новенького?), но лишь бы не опоздать. А потом Шурыгин подумал о том, что приятно будет довезти Любу до ее дома (дополнительное время, проведенное наедине, сколько нужных важных слов можно сказать и услышать, сколько узнать... и о ее комфорте, конечно, не стоит забывать), и Шурыгин сел за руль.

Этим вечером ему сопутствовала удача: ни одна пробка не задержала его ни на минуту, даже светофоры, сговорившись, выдавали только зеленый свет. Петр Петрович сильно нервничал и находился в том приподнятом настроении, которое хоть и будоражит, но делает человека абсолютно счастливым.

На условленном месте он оказался в половине восьмого. Скромный, но одновременно необыкновенно красивый букет из разноцветных фрезий, сделанный под заказ, жег руки и притягивал взгляды прохожих.

«Люба, Люба...» – мысленно повторял Шурыгин, расха-

живая туда-сюда по высушенному солнцем асфальту. Он пытался угадать, какой она будет этим вечером... Красивой? Да, да, само собой! Но какой? Будет ли в ее глазах гореть цыганский огонь, который лишил его воли при первой встрече в магическом салоне ее бабушки, или она будет классически прекрасна с нотами тайны... именно такой она предстала перед ним в ресторане «Пино Гроз» при второй встрече. Ему хотелось и того и другого сразу! Ему хотелось прижать ее к себе, коснуться густых черных волос и не отпускать. И пусть под ногами крутятся черные кошки и где-то ухают филины! Тысячу раз – пусть!

Через десять минут он позвонил Полине.

– Как у тебя дела? Все в порядке?

– Конечно, папочка, у меня всегда все в порядке!

Еще через пять минут он позвонил Оле.

– Как у тебя дела? Все в порядке?

– Я так счастлива... я так счастлива...

Еще через пять минут он позвонил Катюшке.

– Ты где? Чем занимаешься?

– Гуляю, дышу свежим воздухом... Ага, скоро домой.

Черт-те что! Петр Петрович сунул мобильник в карман.

Гуляет она, дышит свежим воздухом! Чувствует он, что-то здесь не так – и слова торопливые, и голосок ручьем журчит... Нужно будет с ней еще раз хорошенько поговорить.

Но тут Петр Петрович увидел Любу и вмиг забыл обо всем на свете.

Она, улыбаясь, шла ему навстречу. Высокая, стройная, тоненькая. В длинной юбке, прикрывающей туфли, белой блузке, коротком легком пальто нараспашку. На правой руке виднелись съехавшие к запястью тонкие кольца серебряных браслетов, волосы распущены по плечам, и кудряшки подпрыгивают в такт движениям.

«Люба, Люба...» – мысленно повторил Петр Петрович и, как мальчишка на первом свидании, торжественно вытянул руку с букетом перед собой.

– Спасибо, – сказала Люба, вдыхая нежный аромат колокольчатых цветов. – А в моей оранжерее такие не растут...

– Посадим, – пообещал Петр Петрович и тепло улыбнулся. Удивительно, ему даже нравилось, что они одного роста. Ее глаза на уровне его глаз.

– Летом здесь очень красиво, обязательно приходите посмотреть, – ответила она и взяла его под руку.

– Я приду. Надеюсь, летом мы здесь тоже будем гулять вместе.

Некоторое время они шли молча, не торопясь. Петр Петрович и Люба вдыхали ароматы весны и наслаждались сказочным моментом. Каждый хотел и одновременно не хотел нарушать эту робкую тишину.

– Вы здесь работаете? Да, вы говорили... Интересно? – Петр Петрович повернул голову в сторону Любы.

– Безумно интересно и приятно. Я прихожу не так часто, как хотелось бы, и я не назвала бы это работой...

– Понимаю, – Шурыгин кивнул и автоматически ослабил узел галстука. Господи, он не привык так просто гулять с женщиной! Рестораны, рестораны, рестораны, редко театр – и то, когда это было! Да и когда в его душе последний раз царила подобная неразбериха, когда сердце сжималось от волнения и страсти? Нет, страсть тут ни при чем... то есть при чем, но не настолько... Нежность, бесконечная нежность бежит по венам, радость, трепетная радость бьется в груди. – Я очень скучал, Люба. Я боялся вас больше никогда не увидеть... – Он остановился, повернулся и поцеловал ее руку. Бряк-бряк – приободрили серебряные браслеты.

Она почувствовала себя неловко, смутилась и тут же улыбнулась. Что она могла ответить? Только правду.

– Я тоже скучала, и я тоже боялась вас больше никогда не увидеть...

* * *

После короткого разговора с отцом, отогнав мимолетное чувство вины, Катя совершенно расслабилась и размечталась. Во-первых, после Валдая она коротко пострижется, как Полина, и тоже превратится в этакую обворожительную, стильную и деловую француженку. Во-вторых, она обязательно познакомит Сергея с папой и с сестрами. В-третьих, она начнет подумывать о работе... Это важно, да, это важно! Именно потому, что она от всех кругом зависит, ее считают

маленькой наивной девочкой... Обидно!

Они свернули на одну из дорожек Ботанического сада, обменялись короткими взглядами и пошли дальше.

– Звонил твой отец? – спросил Сергей.

– Да, я обещала поужинать с ним, но потом решила встретиться с тобой и... не получилось, – соврала Катюшка, поддерживая имидж независимой девушки. – Мы сейчас живем вдвоем, сестры разъехались, – торопливо добавила она. – И я в доме за главную! – Не удержавшись от собственной мнимой важности, она надула щеки и прыснула от смеха. – Ну, я поддерживаю папу как могу...

– И много у тебя сестер? – поинтересовался Сергей.

– Две.

– Прилично.

– Ага, папа мечтал о сыне, но судьба распорядилась иначе, и теперь он усиленно мечтает о внуке.

«Интересно, кто из нас троих первой подарит ему внука? – промелькнул в голове Катюшки вопрос. – А вдруг я?»

Представив себя с памперсом в одной руке и с погремушкой в другой, она задумчиво сморщила нос – картинка показала абсолютно нелепой. Не-а, вряд ли она займет первое место по рождению мальчиков, Оля с Полиной ее наверняка обскажут. Да и, честно говоря, больше хочется девочку... дочку... ага. И не сию минуту, а попозже.

– А ты бы кого хотел: мальчика или девочку? – брякнула Катя, не успев вовремя прикусить язык. Тут же смутившись,

она споткнулась, выровняла шаг и пошла быстрее.

– Не знаю, мне все равно. Я пока повышать рождаемость в стране не планировал, – с насмешкой ответил Сергей.

– Я тоже пока не планирую повышать рождаемость, – на всякий случай поддержала Катя.

В Ботаническом саду пахло весной – по-особенному приятно, точно именно здесь традиционно журчал первый ручей, пробивался первый подснежник, гордо распрямлялся первый листок. И влюбленные парочки, то сидящие на скамейках, то гуляющие по дорожкам, щедро добавляли к царившей атмосфере дополнительные порции тепла, романтики и света. Катюшка смотрела на них, счастливых, и завидовала. Живут же люди! «Хотя, может, они мне тоже завидуют», – она хитро прищурилась и со значением посмотрела на Сергея. Но взгляд не задержался на красивом лице спутника, а устремился чуть левее и дальше.

Около двух широких глиняных ваз, выкрашенных белой краской, рядом с желто-оранжевой клумбой непонятных цветов Катя увидела своего отца и на миг потеряла способность здраво соображать. Почему? Откуда? Как это возможно? Он следит за ней? Он сейчас устроит скандал? Испортит ее свидание?.. Мысли запрыгали, как перепуганные кузнечики, и только через полминуты Катюшка увидела намного больше.

Петр Петрович Шурыгин был не один. Рядом стояла высокая черноволосая молодая женщина. Она улыбалась ему,

а он улыбался ей. И они-то как раз никого не замечали, и они-то явно были счастливы, и между ними, бесспорно, были и весна, и первый ручей, и первый подснежник, и даже первый листок! Как же он смотрел на нее, а как она касалась его руки!

«Обалдеть!» – мрачно подумала Катюшка и, вцепившись в локоть Сергея, потянула в противоположную сторону.

– Пойдем туда, ладно? Мне кажется, там здорово... – протараторила она, удаляясь от шокирующей правды.

У отца есть женщина!

И не абы какая... а красивая! Очень красивая! Экзотическая... Как птица со страницы древней книги, как малахитовая шкатулка, как тонкая ветка черемухи с черными бусинами-ягодами, как... как... Да что же за дурацкие сравнения лезут в голову! Ревность хмыкнула и больно сжала сердце. Катюшке захотелось остановиться, топнуть ногой, вернуться, высказать все, что она думает по этому поводу, вцепиться в отца и ни за что не отпускать и не отдавать! Он же любит только Полину, Олю и ее. И она у него самая маленькая и самая любимая! И он ей нужен, очень нужен... Да, она иногда гадала, встречается ли с кем-нибудь папа, не монах же он, не может же столько лет быть один. Ответ всегда был сухой и рассыпчатый: неизвестно, возможно, какая разница, вряд ли, ну, по-разному в жизни бывает, наверное, был однажды короткий роман или два, ему не нравятся современные девушки, он вечно занят...

А оказывается, у него достаточно свободного времени...

Катюшка оглянулась и еще раз оценила картинку. Даже если бы расстояние между ними было в два или три раза больше, она бы все равно угадала трепетные отношения, поняла, что к чему. Видела ли она когда-нибудь отца вот таким – беззащитным, несмелым, растерянным...

«А мне говорит, чтобы дома сидела!» – зло подумала Катюшка и поджала губы. До чего же жаль, что она не может отправиться на Валдай прямо сейчас! А еще лучше – в Мексику или в Гондурас!

– Ты куда бежишь? – раздался удивленный голос Сергея, и Катя поняла, что действительно почти бежит к воротам Ботанического сада.

– Я домой, хорошо? Мне же вещи собрать нужно! Я забыла: резиновые сапоги брать или нет?

– Бери, – пожал он плечами и улыбнулся. – Я подвезу тебя.

Катюшка сразу сбавила шаг и немного успокоилась. Хотелось обернуться еще раз, но делать этого она не стала. У нее свидание, и никакие длинные черноволосые ветки черемухи его не испортят! И пусть потом кто-нибудь скажет, что она не имела права уезжать так далеко с малознакомым мужчиной! Пусть только скажут!

Катя почувствовала руку Сергея на талии и с вызовом улыбнулась. Ошибки, видите ли, нельзя совершать! Много вы понимаете в ошибках!

– Ага, подвези, – кивнула она, убирая локон за ухо. – Я

ужасно устала, даже не знаю почему.

– Наверное, не привыкла ходить пешком.

– Наверное...

В машине Катюшка быстро пристегнулась, откинулась на спинку кресла и замерла. Она была абсолютно уверена, что Сергей ее сейчас поцелует – он просто обязан ее поцеловать! И когда его губы коснулись ее губ, она, стараясь походить на героиню мелодрамы, быстро закрыла глаза и «издала короткий стон наслаждения»:

– Ммм...

* * *

Степан негодуяще фыркнул и демонстративно скрестил руки на груди. Целуются... Тьфу! Ей на голову скоро мешок наденут, а она целуется!

Он сделал слабую попытку разозлиться на младшую Шурьину, но не получилось. Увы, не получилось. И как тут получится, когда обстоятельства меняются на глазах, когда поясница затекла, а ноги зудят, точно вновь вернулась детская аллергия на апельсины и сладкое.

– Я устал... – жалобно выдал Степан, плаксиво морщась. – И она не одна, видишь? Не одна! Мы так не договаривались. Этот гусь выше меня в два раза!

– Плевать, – похлопывая по рулю, обмотанному синей изолентой, ответил Павел. – Не всегда же он будет рядом, и

не дураки же мы, чтобы лезть на рожон.

– Целый день ходим за ней по пятам: то на автобусе, то на метро, то на этом тарантасе! То я звоню тебе, то ты звонишь мне... Сил больше нет. Где ты взял эту развалюху? – Степан недовольно оглядел потрепанный салон «копейки». – Угнал? Нет, не отвечай, я не хочу знать... Здесь пахнет, ужасно пахнет... Трусами!

Павел закинул голову назад и громко захохотал. Н-да, кажется, скучно со Степаном не будет.

– Какими еще трусами? – хмыкнул он, успокоившись. – Машина моя, я ее пять лет назад в карты выиграл. Может, у тебя еще и проблемы с обонянием?

Но Степан, обиженно отвернулся и отвечать не стал. Пахло действительно отвратительно, ну, не трусами, а чем-то вроде гнилого лука и забродившего компота. Эх, а как пахло на кухне у Раисы Антоновны... Он расстроено вздохнул и вновь посмотрел в сторону «объекта слежки». Екатерина Шурыгина, улыбаясь до ушей, стояла около двери подъезда и прощально махала рукой приятелю.

– Пока-пока, милый, – прокомментировал Павел.

– И что ей дома не сидится! – буркнул Степан.

Глава 4

Дорогой папа, я уехала на Валдай с Сергеем. Не волнуйся, все будет хорошо, я просто хочу отдохнуть от учебы. Целую, твоя младшая дочь.

P.S. Не ищи меня, пожалуйста. Обещаю заряжать мобильник каждый день.

Текст записки Катюшка вспоминала неоднократно: и когда затаскивала в лифт огромный чемодан на колесиках, и когда стояла около подъезда, ожидая Сергея, и когда пристегивалась ремнем безопасности, и когда через час неожиданно захотела в туалет, и когда грызла печенье, поглядывая в окно, и когда до пункта назначения остались считанные километры. «Папа, ты, конечно, удивишься и, возможно, захочешь меня поругать, но я буду уже далеко...»

Изначально они собирались поехать на поезде, но Сергей передумал, и за долгие часы, проведенные в машине, у Катюшки онемело все что только можно. И чемодан, как назло, подпрыгивал и гремел в багажнике на каждой яме и кочке. Да, она взяла с собой резиновые сапоги, плащ, шарф, фен, косметику, зонтик и целую кучу очень нужных вещей – ну и что? Вдруг пригодится! Ей просто необходимо выглядеть на пять баллов – взрослая жизнь предполагает трудности и самостоятельность.

Сергей вел себя так, точно и не было поцелуя, а Катюшка

не особо заморачивалась по этому поводу. В груди дрожали восторг и волнение, а в голове слова складывались в предложения:

Дорогой папа, я уехала на Валдай...

Сам факт ее невероятного скоропалительного отъезда перекрывал даже особые отношения с Сергеем. Она решилась, она смогла, она доказала!

– Вылезай, приехали. Дальше придется идти пешком, надеюсь, это тебя не огорчит.

– Пешком... А далеко?

– Не-а, километра полтора, не больше.

Катюшка вылезла из машины. Прохладный воздух тут же зашекотал нос и наполнил легкие. Природа... ага, природа!

– Хорошо, – выдохнула она и огляделась.

Асфальтированная дорога, разрисованная трещинами, уходила вдаль, справа находился реденький лесок, за ним на возвышении виднелась добротная деревенька. Слева тоже шелестели сочной листвой деревья, а прямо перед носом стоял длинный двухэтажный дом, обнесенный высоким забором.

– Здесь я оставлю машину, – прокомментировал Сергей, вынимая из багажника ее чемодан, свой рюкзак, спортивную сумку и чехол с удочками. – Подожди, буду через пару минут.

Машина скрылась за воротами, и Катюшка мечтательно улыбнулась: здорово, просто здорово! Есть плюсы и в «ди-

ком» отдыхе – это особое ощущение свободы и особое возбуждение. Кажется, закроешь глаза, раскинешь руки и обязательно взлетишь, как птица. И солнце будет слепить глаза, и мечты станут реальностью, и никто не начнет пилить, мол, ты еще мала, это нельзя и это нельзя тоже.

– Я молодец, – похвалила себя Катюшка, достала мобильник из кармана и с равнодушием отметила, что связи нет. Ну и ладно, подумаешь, может, через полтора километра появится.

– Бери чемодан, и пошли, – раздался за спиной насмешливый голос Сергея.

Катя развернулась и сначала посмотрела на него, а затем перевела удивленный взгляд на свой гламурный чемодан, украшенный наклейками с изображением Пизанской башни, египетских пирамид и портретом Софи Лорен в стиле ретро. Нет, если бы она планировала нести этого пузатого монстра, она бы урезала количество «жизненно необходимых» вещей раза в два. Она же не Шварценеггер, не Брюс Уиллис и даже не Джеки Чан! Пакет молока и пучок петрушки – вот максимальный вес, который она в состоянии безболезненно перенести из пункта А в пункт Б.

«Мы так не договаривались...» – невольно жалобно подумала Катюшка и резко ссутулилась.

– Он тяжелый, – протянула она, не теряя надежду на лучший исход.

– Сочувствую, – бросил Сергей, подхватывая по очереди

рюкзак, сумку и чехол с удочками. Плечи и руки теперь у него были заняты, что удручало еще больше.

Так он серьезно?

Полтора километра пешком...

Еще секунда – и Катюшка издала бы душераздирающий стон, но дыхание перехватило, а в глазах сверкнули непрощенные слезы. Не слишком-то романтично получается, не как в сказке... Но выбора, увы, нет. Как в таком случае поступила бы Полина?

Катюшка наморщила лоб, пытаясь представить подобную ситуацию... Не-а, не могла ее красивая, стильная, умная сестра оказаться один на один с тяжелым чемоданом!

Ну и пусть!

Сдвинув брови, она решительно вытянула ручку чемодана и устремилась вперед к озеру, к долгожданному отдыху, ко всему новому и желанному (ритмичный грохот увесистого имущества сопровождал каждый ее шаг). Сергей же не виноват – руки у него заняты, и если она отправилась в путь совершенно самостоятельно, то и должна сама позаботиться о некоторых вещах...

Эх, не нужно было брать пену для ванны, три кожаных ремня с красивейшими пряжками, насадки для фена, маникюрный набор, две пары кроссовок, дорожный уют и многое, многое другое...

Первое колесико отвалилось приблизительно через двести метров, второе – через триста, на ладонях вздулись мо-

золи. Ничего, главное – добраться до турбазы, конкретнее – до кровати, а там жизнь наладится. Как же это озеро называется?.. Сергей утром говорил... Велье. Точно, Велье!

Катюшка сменила руку и, наплевав на уже поцарапанный, но все еще красивый корпус чемодана, поволокла неподъемную ношу дальше.

– Помочь? – спросил Сергей, остановившись на повороте.

– А ты сможешь? – выдохнула Катюшка, тяжело дыша. – У тебя же руки заняты.

– Удочки, пожалуй, я смогу тебе доверить, – усмехнулся он в ответ.

Странно, то ли долгие часы, проведенные в машине, то ли волнение сыграли свою роль, но она совсем не подумала о таком простом варианте. Она же может нести удочки, и одна рука у него будет свободна. Свободна для чемодана!

Суперрешение. Супер!

«А почему сразу не предложил?» – прожужжала комаром в ухо вредная мысль и улетела прочь.

Настроение мгновенно скакнуло вверх. Катю потянуло на романтику. Теперь, когда идти стало легко, вновь хотелось болтать и кокетничать.

– А твои друзья Вика и Костя...

– Они еще вчера уехали, наверное, уже ловят рыбу.

Вот и хорошо, вот и пусть ловят. Катюшка беспричинно заулыбалась, сорвала листок с куста и пошла быстрее. Воображение нарисовало ряд уютных домиков на берегу озе-

ра (красная черепичная крыша обязательна!), сетчатый гамак, натянутый между двумя крепкими деревьями, дощатый пирс с креслом-качалкой (как в одной мелодраме), яркие лодки (почему-то похожие на венецианские гондолы), уютный бревенчатый ресторанчик в сторонке, в котором кипят страсти не хуже, чем в столовой из фильма «Девчата»... И еще комната – ее комната будет уютной! С мягким светлым ковром, широким окном, полупрозрачными желтыми шторами и кроватью... Щеки Кати полыхнули огнем, потому что неожиданно она задалась вопросом: какой будет эта самая кровать, двуспальной? Вообще-то, она не собирается, пока не собирается... Это путешествие – возможность узнать друг друга получше, обрести уверенность и получить массу приятных впечатлений, не более.

Катюшка глянула на Сергея, и в памяти всплыл эпизод с поцелуем. Ей понравилось, даже очень. Первый поцелуй должен быть именно таким – не затяжным, без особых выкрутасов и в то же время многообещающим.

– А телевизор там есть? – спросила она, не прекращая прикидывать, сколько еще осталось идти.

– Нет, глупо ехать за тридевять земель, чтобы валяться перед телевизором.

– Конечно, с этим я абсолютно согласна. И я тоже буду ловить рыбу!

– А ты умеешь?

– Немного.

– Ничего, я тебя научу.

– А мы будем ловить на блесну, червяка или кашу?

– О, да ты, как я погляжу, подкована, – Сергей обернулся и улыбнулся.

– Ловила однажды с папой, давно, в детстве, – радостно ответила Катюшка.

Минут через двадцать она увидела спокойные воды озера Велье. Деревья расступились, и вот оно, чудо! Небывалая красота – тихая, дивная, гармоничная до каждой травинки, сказочная и даже мудрая. Катя прижала удочки к груди и задержала дыхание. Полтора километра пешего хода показались сущим пустяком, тем более что пузатый чемодан еще километр назад перестал быть ее головной болью.

Около берега покачивался небольшой бело-голубой катерок, на корме которого сидел крепкий мужичок в дутой куртке. Он курил папиросу и читал газету.

– Привет! – крикнул Сергей, подходя к катеру ближе. – Вроде мы без опоздания.

– Салют, – лениво ответил мужичок и, посмотрев на наручные часы, удовлетворенно кивнул.

– Здравствуйте, – поздоровалась Катюшка, с интересом глядя на катер. Дальше они поплывут? Ничего себе! А если она захочет вернуться раньше (ну, вдруг), как же она доберется до этого берега? Или стоит только попросить, и этот человек перевезет ее обратно? Хотя какой толк в этом берегу, когда она понятия не имеет, в какую сторону ловить по-

путку.

– Забирайтесь, и поплыли. Ветрено сегодня, чаю охота, – убирая газету во внутренний карман куртки, поторопил мужичок.

Сергей, пристроив рюкзак, сумку и многострадальный чемодан, сел на скамейку. Катя следом за ним деловито шагнула на «борт корабля» и устроилась рядом.

– Совсем чуть-чуть – и вы на месте, – добродушно заверил «капитан» и подмигнул Катюшке, отчего ее душу накрыла волна детского восторга.

Она сбежала. Взяла и сбежала! И пусть кто-нибудь скажет, что она не имеет права на самостоятельную жизнь: на собственные радости, ошибки и любовь. Как у Полины, как у Оли.

«И как у тебя, папа! Вот и встречайся со своей черноволосой и следи за ней...»

Покосившись на Сергея, Катюшка отметила, как он хорош, и, коротко улыбнувшись, осторожно коснулась рукой его руки. Пожалуй, это будет ее первое романтическое приключение – он втрескается в нее по уши, и очень скоро весь институт узнает о ее невероятных отношениях со взрослым и красивым Сергеем Романенко.

– Подождите! Пожалуйста, подождите! – раздался жалобный голос, и Катюшка, обернувшись, увидела невысокого лопухого толстячка, одетого в темно-синий спортивный костюм. Мужчина тяжело бежал к катеру, размахивая целло-

фановой сумкой и кепкой, рыжие волосы торчали в стороны, отчего он походил на ржавый одуванчик. – Подождите! Пожалуйста, подождите! Возьмите нас с собой! Нам до деревни...

Из леса появился еще один мужчина, явно моложе первого. Казалось, он был ужасно недоволен: глаза закрывала бейсболка, но поджатые губы и быстрая решительная походка демонстрировали его настроение. Да, молодой и, кажется, симпатичный.

– До какой вам деревни? – поинтересовался «капитан». – Если до Ситников, то подброшу, а если до Новых Верхушек или до Рыбарей, то это мне вовсе не по пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.